

УДК 008:001.8

ДУША КУЛЬТУРЫ В ДЕБРЯХ ТЕХНОЛОГИЙ: КУЛЬТУРА КАК ОТКРЫТИЕ

Калимуллин Диловар Диловарович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности, Казанский государственный университет культуры и искусств (г. Казань, РФ). E-mail: yearsgoby@yandex.ru

В статье рассматривается проблема интеллектуального потенциала личности и роль Интернета как источника трансформационных механизмов. Автор приходит к выводу, что информация как экономический и интеллектуальный ресурс заслуживает значение технологического прогресса и культурной революции, поэтому человек вынужден примерять различные маски, пытаясь адаптироваться к новым социальным ролям. В силу того, что творчество перестает быть только созидательной силой в современных условиях, возможности различных технических устройств и Интернета, в частности, приводят к тому, что именно эти устройства становятся средством объединения людей разных стран, так как обладают универсальным, общепонятным языком. Однако в условиях глобализации главным стержнем в жизни человека продолжает оставаться духовная культура, так как именно культура является душой общества, наполняющей его внутреннюю суть.

Объектом внимания в статье является концепция А. Моля, согласно которой целью бытия личности является «присутствие» в информационной и динамической доктринах. В данной ситуации духовность понимается как родовое определение человеческого способа жизни и задает абсолютную систему координат, которая поддерживает человека и позволяет ориентироваться в постоянной текучести его «здесь и сейчас». Обращение к абсолютному оправданы культурными ценностями, которые скреплены сетевым образованием – Интернет. Превратившись из желательного продукта человеческой цивилизации в обязательный, культура может взять на себя роль эффективного механизма социальной регуляции, предупреждающего реальные или возможные сбои в различных сферах жизнедеятельности общества.

Ключевые слова: технологии, культура, личность, мышление.

A SOUL OF CULTURE IN A JUNGLE OF TECHNOLOGIES: CULTURE AS OPENING

Kalimullin Dilovar Dilovarovich, PhD in Pedagogy, Associate Professor of Department of Social and Cultural Activity, Kazan State University of Culture and Arts (Kazan, Russian Federation). E-mail: yearsgoby@yandex.ru

Interrelationship between the problems arising in current virtual culture is revealed. In the article, the problem of increase of intellectual potential of the personality is considered. The Internet role as a source of transformational mechanisms is considered. Information as an economic and intellectual resource covers value of technological progress and a cultural revolution is shown. The person is compelled to try on various masks trying to adapt for social roles. Creativity ceases to bear only creative force and the car becomes universal language which unites people from the different countries. However in the process of globalization a core of mankind is the spiritual culture. Different points regarding the globalisation process as a dominant tendency of the world development are examined in the paper. Today the globalisation, which has evolved in the economical sphere, is influencing all aspects of human life, including culture. The most threatening tendency is one-side character of cultural interactions and the loss of national and cultural identify by non-western civilisations. The modern globalisation process is in contradiction with secure development. That is why we face the problem of modification of global forms and methods. Culture is the life of the party making its internal essence. A. Mol's doctrine according to which the purpose of life is information and dynamic doctrines is provided. Spirituality makes a generic difference of a human way of life also sets absolute system of coordinates which supports the person and allows to be guided in its constant fluidity "here and now." The appeal to the absolute cultural values which are fastened by network education is the Internet justified. Having turned from a desirable product of a human civilization in the obligatory culture can assume a role of the effective mechanism of social regulation preventing the real or possible failures in various spheres of activity of society.

Keywords: technology, culture, individual, abstract thinking.

В конце XX – начале XXI века в связи с активным внедрением электронных СМИ и Интернета, а также с влиянием постмодернистских идей на массовое сознание, обострилась ситуация кризиса индивидуальности. Личность стала формироваться подобно мозаике окружающей действительности, принимая на себя клиповую форму, характерную для визуальной культуры современности.

Новую интерпретацию получили «вечные» вопросы жизненного предназначения человека, его практической и духовной деятельности, смысла жизни, творчества, морального и этического возвышения, устремленности к высшим достижениям культуры. Более того, в условиях суперурбанизированной цивилизации возникают своеобразные квазиэтноты, нуждающиеся в собственной мифологии, идеологии, символической, необходимой для самоидентификации.

В настоящее время постоянно усложняется структура социума, расширяется сфера массовой культуры и коммуникации, что приводит к появ-

лению новых социальных ролей человека, то есть образованию множества масок – особых систем знаков и символов, составляющих личность. Следовательно, можно утверждать, что изменения, происходящие в современном человеке, оказались непосредственно связаны с переменами в социальной и культурной реальности.

Рассматривая роль Интернета и информационно-коммуникационных технологий в жизни человека и общества, многие ученые, занимающиеся данными проблемами, отмечают, что революция в телекоммуникациях нивелирует культуру и образование [4; 6; 9]. Согласимся, действительно, познание в целях возвышения социальных потребностей иногда упрощается благодаря Интернету, то есть «приземляется». Современные ученые отмечают, что, с одной стороны, Интернет привел к сужению образовательного, культурного пространства и интеллектуального потенциала личности, а, с другой – электронные средства коммуникации, войдя в «последний» уровень своей эволюции, сделали информацию более доступной.

В научных концепциях 1980–90-х годов многие исследователи прогнозировали существенный рост научного, теоретического знания и достоверной информации в жизни общества и человека, который связывали с развитием компьютерных и телекоммуникационных технологий. Более того, теоретическое знание считалось определяющей чертой информационного общества, так как оно со всей очевидностью влияет на наш образ жизни, в отличие от образа жизни наших предков, прикрепленных к одному месту и подвластных силам природы. Позднее ученые акцентировали свое внимание на роли и значении не столько самой информации в различных сферах жизни, сколько важности знаний вообще и беспрецедентного ускорения их прироста [3; 14]. Ошибкой, на наш взгляд, является то, что большая часть российских исследователей сегодня связывают становление информационного общества не столько с технологическим развитием и количеством используемой в обществе информации, сколько с ее качеством и новыми характеристиками, определяемыми новыми условиями ее распространения по компьютерным сетям. Вполне вероятно, что информация как экономический и интеллектуальный ресурс заслоняет значение технологического прогресса, роль культурной революции, влияющих на научную картину мира.

В связи с этим следует отметить некоторые негативные моменты пассивного потребления информации посредством компьютерных технологий, которые могут вытеснить активные формы досуга, творчества, познания, и, в конечном итоге, способствуют формированию рациональности мышления, лишают людей непосредственного общения друг с другом. Все это может привести к сужению персонального пространства, а отчуждение от живой природы вызывает невольное стремление человека к упрощению картины мира, боязнь принятия решений, страх ответственности.

Отметим, что сознание, впитывая информацию (символы), симулякры, заменяющие «живую» жизнь, являясь «орудием мысли», функционирует между двумя мирами – естественно-реальным, живым и миром техническим, искусственным. Человек общается с техникой на искусственном языке или алгоритмах запросов и «помещен» в информационную технологию, что приводит за-

частую к потере индивидуальности и снижению его общекультурного уровня.

Подтверждая данный тезис, исследователь И. А. Негодаев пишет: «Такое мышление и его продукт – знание можно назвать «обезличенным», поскольку личностное знание – это интеллектуальная самоотдача. Оно обладает быстротой и точностью в ущерб эмоциональности и диалектической эластичности» [7]. Действительно, информация, обладая духовной составляющей (национальный язык и мышление), вступает в конфликт с компонентом знаний. Иными словами, мы можем утверждать, что в настоящее время в жизни людей доминирует технократическое мышление; в морали и поведении людей, в их культурных запросах на первый план выходит критерий практической пользы, целесообразности. Исторический опыт показывает, что почти каждая техническая новинка способствовала «вырыванию» человека из природы, делая его прагматичным и расчетливым в ущерб своему духовному, эмоциональному миру.

В данной ситуации, безусловно, Интернет, будучи сетью (ситом), «просеивает» мышление людей, изменяет его, что впоследствии влияет на поведение, потребности и способы их удовлетворения, то есть на весь образ жизни индивидов и общества в целом. Таким образом, мышление изменяется, отражая процесс компьютеризации общества.

В связи с заявленной темой особый интерес для нашего исследования представляют работы французского социолога А. Моля. В частности, в работе «Социодинамика культуры» ученый заявляет: «Структура нашего сознания в слишком сильной степени является отражением окружающего мира, чтобы происшедшие в этом мире коренные перемены могли пройти бесследно для культуры (европейской. – Д. К.)» (цит. по [4]). Мозаичная культура, по определению А. Моля, поток обрывочных и случайных сведений приводят к тому, что люди остаются на поверхности явлений без критического восприятия и вдумчивого осмысления.

Развивая данную мысль, исследователь подразделяет культуру на две части: культуру индивидуальную и культуру социальную. Индивидуальная культура, считает он, – это «экран знаний», сформированный в сознании человека. На этот экран проецируются получаемые из внешнего

мира новые стимулы-сообщения. На личностном уровне эти «экраны» различны по обширности (эрудиция), по глубине, «плотности» и оригинальности. Но, так или иначе, они обусловлены общим состоянием «коллективной культуры», которую А. Моль называет «социокультурной таблицей».

Анализируя современную западную культуру, ученый приходит к выводу, что под влиянием средств массовой коммуникации происходит превращение традиционной гуманитарной культуры в культуру «мозаичную», которая составлена из множества соприкасающихся, но не образующих целое фрагментов, – в ней нет «точек отсчета», мало подлинно общих понятий, но зато много понятий, обладающих большой весомостью (опорные идеи, ключевые слова и т. п.). Поэтому в мозаичной культуре, считает А. Моль, знания формируются в основном не системой образования, а средствами массовой коммуникации.

В своем анализе данной проблемы мы, вслед за А. Модем, выделим четыре основные доктрины массовой коммуникации, различающиеся своими целями в отношении воздействия на аудиторию и пониманием места массовой коммуникации в системе культурных ценностей: демагогическая (1), догматическая (2), информационная (3), динамическая (4) доктрины¹. Как считает ученый, различные системы массовой коммуникации применяются в разных формах и различных пропорциях все четыре сформулированные доктрины, делая это неосознанно, но нередко – в зависимости от личностных ценностей своих руководителей [5].

Согласимся с утверждением А. Моля, согласно которому именно социальные потребности создали и создают историю и культуру. Как показывает исследование, одна и та же деятельность, первопричиной которой являются низшие потребности, заставляет человека испытывать социальные, высшие потребности: повышать уровень

¹ Цель (1) – погрузить индивида в рекламное поле и держать его в нем как можно дольше, используя его стремление к наименьшей затрате усилий; цель (2) – вовлеченность человека в поле направленного воздействия со стороны политической партии, религиозного течения, государства, желающих переделать мир в соответствии с определенной идеологией; цель (3) – просветительство, стремление поднять индивида до уровня культуры того общества, в котором он живет; цель (4) – формирование активного отношения людей к собственному развитию, усиление их влияния на темпы развития.

образования, задействовать моменты престижа, включать социальный азарт. Безусловно, человек эволюционировал и стал «хозяином мира» благодаря своим потребностям, поэтому современные экономическая, психологическая и социальная теории поведения потребителя сводятся к анализу логических следствий гипотезы о рациональности человека.

Действительно, сегодня наблюдается избыточная рациональность во всех сферах деятельности человека, в его поведении. Опережая другие компоненты средств массовой информации, Интернет и телевидение занимают доминирующее положение в современном мире. Дело в том, что вовлекая в единое информационное и духовно-культурное пространство миллионы людей, независимо от мест их проживания и физической удаленности друг от друга, Всемирная сеть становится одним из мощных двигателей современной глобализации. Однако сила современной информационной техники и технологии может быть использована и во вред человечеству, так как способна манипулировать сознанием и поведением человека, что в целом угрожает дегуманизацией общества. В данной ситуации обширен перечень угроз интеллектуальной собственности и, соответственно, инновациям: плагиат, книжное и компьютерное пиратство, контрафакция, нарушение изобретательских и патентных прав, незаконное использование товарного знака, действия, связанные с недобросовестной конкуренцией, хищения ноу-хау² и т. п.

Следует обратить внимание еще на одну проблему, связанную с тотальным влиянием электронных СМИ на сознание людей, и особенно молодежи. Безусловно, сегодня самым важным источником информации и одновременно средством формирования желаемого типа личности для молодых людей являются электронные СМИ (Интернет и телевидение). Молодежь старается во всем походить и даже превзойти «звезд», чья известность порождена, обеспечена и поддерживается медийными средствами, частотой появления на телеэкране, что выделяет их из общей массы, переводя в разряд светских людей, ньюсмейке-

² На международной выставке «Ambiente» (Амбьенте) во Франкфурте-на-Майне в 31-й раз раздали премии «Плагиариус» – за самые вопиющие кражи идей. Среди лауреатов этой «награды» – китайские, голландские и немецкий фирмы [8].

ров, публичных знаменитостей, деятелей шоу-бизнеса. К тому же взаимосвязь «звездности» с такими понятиями, как талант, нравственность, успешность, не всегда прослеживается. Главной целью подобных людей становится желание любым способом выделиться, противопоставить себя общему стилю эпохи манерою одеваться, говорить, заявляя о своей избранности и исключительности. Репутация таких медийных личностей в глазах квалифицированного интеллектуального меньшинства вызывает недоумение и насмешку, связывается с фальшивостью и демонстративной неискренностью, но молодежь каждое очередное появление звезды на телеэкране воспринимает как образец для подражания, подобные личности вызывают у них ассоциации со стильностью, элегантною как безусловно положительными качествами.

Личность, таким образом, ощущает себя одновременно и товаром, и продавцом, понимая и учитывая, что ее значимость и ценность зависит не от личных качеств, а от конъюнктуры медийного рынка. По существу человек становится зависимым от заданной «роли», которую заставляют его играть СМИ, широко тиражирующие и популяризирующие образ жизни, поведение и имидж, пользующиеся у потребителей наибольшей популярностью. На данную ситуацию обращает внимание Э. Фромм в труде «Психоанализ и этика». Ученый считает, что «уникальность личности девальвируется и фактически становится балластом, даже значение слова “особенный” оказывается весьма двусмысленным. Вместо того чтобы служить обозначением достижений человека, оно становится почти синонимом чужаковости, странности, подозрительности» [12]. Вслед за Э. Фроммом, мы убеждаемся в том, что личность обретает устойчивое Я, снимает маску или сознательно отказывается от нее лишь после того, как утверждается в прочности своей мировоззренческой позиции и системы ценностей, которые не колеблются от меняющихся социокультурных ситуаций и их компонентов.

Исследователь Я. С. Сунцова обращается к другому полюсу человеческой реальности – к формам его духовного бытия. В этом интервале (телесное существование – духовное бытие), считает ученый, можно выявить саму природу и жизненный статус психического. Однако и по сей день собственно научная психология (в сво-

ей исследовательской, теоретической части) лишь осторожно примеривается к духовной ипостаси человека. В недавнем прошлом ее существование в отечественной психологии из идеологических соображений вообще отрицалось. Право на «жизнь» если и допускалось, то лишь в виде продуктов культуры, форм искусства, норм общезнания и др. Анализируемые автором формы бытия были скорее «психологической археологией», которая по вещественным артефактам пыталась восстановить духовное творчество коллективных субъектов, но не духовную ипостась конкретного человека [10].

Ряд авторов, рассматривая понятие «самости», находят метафору данному явлению, назвав его «маской». В частности Е. Г. Тихомирова считает, что с понятием маски сопряжено понятие «самости», означающее «подлинный центр личности», а личностное ядро способно либо непосредственно и адекватно выражать себя, либо одеваться в кокон масок [11]. Более того, мы можем отметить, что «маски» эволюционируют с вызовами времени, потребностями общества. В современной техногенной цивилизации происходят социальные, технические и экономические новации, которые одновременно порождают личностное бытие человека и опосредствуются им. Когда мы употребляем термин «внешняя маска», то имеем в виду способ временного сокрытия собственного лица, замещение его с целью создания иного образа, а понятие «внутренней маски» связано с вопросом о «самости» (идентичности) личности. В этом смысле «маска» рассматривается цитируемым автором как поверхностное, временное изменение внутреннего или внешнего облика человека, обусловленное мотивами и потребностями личности, а также коммуникативными запросами и ожиданиями. Несмотря на это «внешняя» и «внутренняя» маски могут быть взаимосвязаны. Иными словами, названные феномены предполагают использование человеком символики реальной действительности, а также участвуют в решении вопросов самоидентификации и коммуникации.

В связи с вышеизложенным, позволим себе привести небольшую историческую справку об основных функциях маски³, которые сформирова-

³ Знаково-коммуникативная, защитно-оборонительная, адаптивная.

лись еще в палеолите. В Античности произошло определение двух основных сфер взаимодействия внешней маски – профанной (вульгарной, низкой, грубой) и официальной. Именно зрелищность античного мира сделала маску символом двойственности Я, обозначила взаимосвязь маски и исполнения роли в средневековом церемониале. В данном случае маска аккумулирует символику и знаки «акта веры», по сути, выполняя роль инструмента защиты от враждебной среды. В средние века мы наблюдаем переход внешней маски из официальной среды в народную. Необычность и эпатажность средневекового маскарада становится одной из отличительных черт внутренних перемен человека Возрождения. С XVIII по XX век обуславливающей функцией маски становится знаково-коммуникативная, что связано с усложнением социокультурной жизни. В этой ситуации на первый план выходит «внутренняя маска» личности, хотя и внешняя маска не исчезает, она облекается в новые формы: сферой ее действия становятся PR-технологии, имиджмейкерство, СМИ и Интернет.

Необходимо отметить, что маска как внутренняя составная личности выступает и в качестве определенной модели (моды, бренда), типа поведения, как приспособительный механизм, облегчающий адаптацию к определенной позиции или ситуации (на эту функцию указывал Э. Фромм). Следовательно, можно сказать, что внутренняя маска не может быть оценена исключительно как морально негативная, как злонамеренный обман и фальшь. В данном случае маска проявляет себя в социальной роли, она всегда присутствует в отношении с Другим. Как видим, театрализация отношений с Другим выступает в качестве образа (модели) поведения, что позволяет говорить о драматургии коммуникации, которая в свою очередь ставит проблему «подлинного Я» в его соотношении с маской⁴ [11]. Причем в одних случаях человек как бы закрепляет за собой определен-

ную маску, и тогда можно говорить об устойчивом амплуа, а в других случаях, в зависимости от характера коммуникативных задач, меняет маску за маской, и тогда можно говорить об артистизме и протейстичности, то есть способности менять свой внутренний облик. Смена различных масок также может говорить и о фрактальности человека, то есть его способности, оставаясь цельным и неизменным изнутри, сохраняя свой фрактальный стержень нетронутым, уметь быть гибким и ситуационным, уметь быть разным.

Другой аспект проблемы взаимодействия человека и электронных СМИ выделяет А. А. Воронин. Исследуя особенности форм человеческого творчества в современной эпохе, ученый приходит к выводу о том, что технократизм и культуроцентризм – однобокие трактовки реальной проблемы единства и многообразия форм человеческого творчества. Размышляя о роли техники, автор пишет, что «кумулятивный характер технического овладения природой можно рассматривать как обратные процессы, направленные *внутрь человеческого мира*» (курсив наш. – К. Д.). К ним не без основания автор относит: «накопление способностей, интеллекта, могущества, выдумки и интуиции человека; распространение универсальных структур практики» [2], что в свою очередь «ведет к созданию искусственного мира, где начинается собственно человеческая история», так как «в этой искусственной природе только и может существовать естественно-искусственное существо... человек». Безусловно, автор прав, утверждая, что «инструкции к машине могут быть написаны на любом языке, но сама машина – это универсальный язык, понятный без переводчика. Машина как универсальный язык объединяет людей из разных стран, времен и культур одинаковыми пользовательскими процедурами, символическими значениями, записанными в «генотипе» машины, производственной, социальной, моральной и эстетической инфраструктурами, имплицитными машиной» [2]. Согласимся с ученым, который считает, что «техническое средство – это свернутый акт коммуникации, в нем рутинизировалась чья-то находка, изобретение, нетривиальное преобразование одной субстанции в другую» [2].

Именно поэтому, на наш взгляд, передача информации как «эстафеты» не должна прерываться, ибо сохранение одних структур и отсутствие

⁴ Например, если маска, избранная для общения, адекватно выражает подлинное «Я» человека (самость), то она позитивна для коммуникации. Если же «внутренняя маска» искажает подлинность «Я», она затрудняет понимание и общение: «подлинное Я» как часть единой личности воплощает ранее усвоенные, осознанные и оцененные индивидом моральные и иные принципы, маска – требования реальной социальной ситуации, заставляющие личность приспособляться.

других способно привести к замещению духовно-нравственного вакуума в культуре и сознании человека разного рода симулякрами (подобиями, видимостями «настоящей» жизни, ее фикциями).

В работах отечественных психологов Б. С. Братуся, В. П. Зинченко, Б. В. Ничипорова, В. Д. Шадрикова и некоторых других предпринимаются попытки заложить основы подлинно духовной психологии как особой формы рационального знания о становлении субъективного духа человека в пределах его индивидуальной жизни. С житейской (светской) точки зрения различие душевной и духовной жизни в их качественном своеобразии отражается уже на уровне языка. Когда мы говорим «душевный человек», то предполагаем такие качества, как сердечность, открытость, способность сопереживать другому, понимать и учитывать другого в его самооценности. Говоря о духовности человека, мы имеем в виду, прежде всего, его нравственный строй, способность руководствоваться в своем поведении высшими ценностями социальной, общественной жизни, следование идеалам истины, добра и красоты.

Следует отметить, что духовности в отличие от философии «вообще» не бывает. Если философия маркирует информационные комплексы, то духовность – родовое определение человеческого способа жизни, которое связано с открытием самоценного, очевидного и необходимого смысла собственного существования. Так как духовность – это сопряженность человека в своих высших стремлениях с Богом или с демоническими силами. Духовное бытие – высший способ личного существования и связан с освобождением от давления обыденной жизни, от соблазна влечений, пристрастий и прельщений собственной самости. Духовное бытие – это, прежде всего, любовь к качеству жизни и воля к совершенству во всех ее областях.

В философско-психологической литературе такие авторы, как Я. Н. Сунцова, С. Л. Франк, Э. Фромм, духовное начало человека связывают с общественным и творчески-созидательным характером его жизнедеятельности, и, что очень важно, с включенностью человека в мир культуры. Напомним, С. Л. Франк сравнивает душевную жизнь с первой материей Аристотеля, характеризуя ее как чистую потенциальность. Она как «чистая стихия переживаний» является субстратом более сложных душевных феноменов,

полагает ученый, правомерно считая, что узко психологический взгляд на человека является ограниченным, так как он предстает, прежде всего, как отдельность и выделенность из рода, со стороны своих индивидуально-своеобразных свойств и качеств, как внутренняя взаимосвязь множества психологических способностей и механизмов.

Анализ классической литературы позволяет сделать вывод, что социальными носителями духовной культуры являются личности, группы, классы, народы, социальные институты, занятые духовным производством, распространением его продуктов. В условиях глобализации духовная жизнь общества представляется особой сферой общественной жизни, способом существования и функционирования общественного сознания. В этом смысле духовная жизнь общества представляет собой сферу духовного производства и воспроизводства, распределения, обмена и потребления духовных ценностей, производство и воспроизводство человека как социального субъекта. Спецификой и механизмом существования, функционирования, развития духовной жизни в этой ситуации выступает духовно-практическая и интеллектуальная деятельность. По отношению к процессу формирования духовного мира личности духовная жизнь общества выступает важной стороной общественного бытия. В данном случае общественное бытие и общественное сознание находятся в единстве и взаимно друг друга обуславливают. Как видим, духовный мир формируется на основе, в рамках и при помощи духовной жизни общества, которая, будучи результатом становления общества, обуславливает формирование установок, которые превращаются для личности в ее жизненные установки, мировоззренческие ориентиры.

Другой аспект взаимодействия человека и техники выделяет известный философ Н. Бердяев, по мнению которого «массовая техническая организация жизни уничтожает всякую индивидуализацию, всякое своеобразие и оригинальность, все делается безлично-массовым, лишенным образа» [1]. В свою очередь отметим то, что как и другие средства массовой коммуникации, Интернет в своем развитии и функционировании обусловлен не только логикой научно-технического прогресса, но и конкретными социальными потребностями и способствует социализации личности и функционированию социокультурных институтов

современного общества. В конечном счете, мы считаем, что человек имеет дело с продолжением культурных традиций, культуронаследованием, распространением накопленных знаний и культурных ценностей и их усвоением новыми поколениями.

Таким образом, несомненно, процессы глобализации и интеграции, а также тотальное завоевание компьютерными технологиями огромного пространства в жизни человечества, оказывают зримое воздействие на социокультурное развитие личности. И речь идет не только о самоочевидных последствиях этих процессов, к которым можно отнести формирование единого социокультурного пространства, диверсификацию форматов получения образования, гибридизацию культурных феноменов, виртуализацию многих явлений жизни и т. д. Речь идет, в первую очередь, об изменении базовых парадигм современного общества, так как в глобализирующемся мире культура и образование являются главными факторами интеграции и одновременно основой для сохранения культурной самобытности стран и народов, определяют изменение социальной роли и форм образования в инновационных обществах, становление систем непрерывного обучения, трансграничного высшего образования, эффективного использования

информационно-коммуникативных технологий. И как эти технологии будут использовать люди зависит, главным образом, от их общей гуманитарной культуры, их духовности, от признания ее главным ценностным аспектом сознания, отражающим экзистенциальные смысложизненные нравственные проблемы человека.

В свою очередь, социокультурные преобразования в стране и возрастание роли человеческого фактора актуализируют проблему социокультурного развития личности как процесса приобретения им нового опыта социокультурных отношений, способствующего формированию ответственности, инициативности, самостоятельности, готовности к общественно-полезной деятельности, высокой социальной активности, которая проявляется в различных видах творчества, участии в социально полезной деятельности, формировании толерантного мировоззрения, то есть внутренний мир человека имеет многообразные связи и отношения со всем миром человеческой культуры; и только здесь он обретает свой смысл и духовное измерение. И в фокусе духовной сферы остается человек как субъект и носитель культуры, как родовое существо и как индивидуальность, личность с ее системой ценностей.

Литература

1. Бердяев Н. Человек и машина (проблема социологии и метафизики) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.odinblago.ru/path/38/1>
2. Воронин А. А. Миф техники [Электронный ресурс]. – URL: <http://padabum.com/d.php?id=38239>
3. Калимуллин Д. Д. Интернет сообщество как ресурс духовности личности // Проблемы соврем. науки: сб. науч. тр. – Ставрополь: Логос, 2011. – С. 147–153.
4. Кулькатова Г. Н. Духовность личности как социально-философская проблема [Электронный ресурс]. – URL: http://edu.rgazu.ru/file.php/1/vestnik_rgazu/data/20140519155431/kulkatova.pdf
5. Моль А. Социодинамика культуры. – 2-е изд. – М.: ЛКИ, 2008. – 416 с.
6. Москалюк Н. Ю. Социально-философский анализ духовности сотрудников пограничных органов // Вестн. ТОГУ. – 2010. – № 2 (17). – С. 271–276.
7. Негодаев И. А. Информатизация культуры. – Ростов н/Д.: Книга, 2003. – 320 с.
8. Пархомов В. А. Плагиат как угроза модернизации экономики // Изв. ИГЭА. – 2010. – № 1. – С. 135.
9. Рязанцев А. А. Экранный характер современной культуры [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии. – 2012. – № 23. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekrannyy-harakter-sovremennoy-kultury>
10. Сунцова Я. М. Понятие духовности в философии и психологии // Вестн. Удмурт. ун-та. – 2009. – Вып. 2. – С. 39–60.
11. Тихомирова Е. Г. Маскарадность selfie как воплощение мотива презентации Я (феномен, его сущность) // Вестн. МГУКИ. – 2014. – № 6. – С. 71–75.
12. Фромм Э. Психоанализ и этика. – М.: АСТ-ЛТД, 1998. – С. 66–76.
13. Хлебникова О. В. Профессиональный философ в современном социокультурном пространстве // Идеи и идеалы: науч. журн. – 2013. – Т. 1, № 3. – С. 119–125.
14. Ястребова А. П. О типологии первичных социальных потребностей // Этносоциум и межнац. культура. – 2009. – № 7. – С. 172–181.

References

1. Berdiaev N. Chelovek i mashina (problema sotsiologii i metafiziki) [Human and machine (problems of sociology and metaphysics)]. (In Russ.). Available at: <http://www.odinblago.ru/path/38/1>
2. Voronin A.A. Mif tekhniki [Myth of equipment]. (In Russ.). Available at: <http://padabum.com/d.php?id=38239>
3. Kalimyllin D. Internet soobshchestva kak resyrs dukhovnosti lichnosti [Internet-community such a resource spirituality of the personality]. *Problemy sovremennoi nauki. Sbornik nauchnykh trydov [The problems of modern science. Collection of scientific papers]*. Stavropol', Logos, Publ., 2011, pp.147–153. (In Russ.).
4. Kul'katova G.N. Dukhovnost' lichnosti kak sotsial'no-filosofskaia problema [Spirituality of the personality such as social and philosophic problem]. (In Russ.). Available at: http://edu.rgazu.ru/file.php/1/vestnik_rgazu/data/20140519155431/kulkatova.pdf
5. Mol' A. Sotsiodinamika kul'tury [Culture sociodynamics]. Moscow, LKI Publ., 2008. 416 p. (In Russ.).
6. Moskaliuk N.U. Sotsial'no-filosofskii analiz dykhovnosti sotrudnikov pogranichnykh organov [Social and philosophic -analiz spirituality employee boundary government]. *Vestnik TOGY*, 2010, no 2(17), pp. 271–276. (In Russ.).
7. Negodaev I.A. Informatizatsiia kul'tury [Informatization of culture]. Rostov-na-Donu, Kniga Publ., 2003. 320 p. (In Russ.).
8. Piazantsev A.A. Ekrannyi kharakter sovremennoi kul'tury [Visual character modernity of culture]. *Analitika kul'turologii [Analysis of Cultural Studies]*, 2012, no 23. (In Russ.). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekrannyi-harakter-sovremennoy-kultury>
9. Suntsova Ia.M. Poniatie dukhovnosti v filosofii i psikhologii [Basic concept of spirituality in the philosophy and psychologies]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta [Bulletin of Udmurt University]*, 2009, no. 2, pp. 39–60. (In Russ.).
10. Tikhomirova E.G. Maskaradnost' selfie kak voploshchenie motiva prezentatsii Ia (fenomen, ego sushchnost') [Masquerade “selfie” such as realization motive presentation “I” (fenomen, ego syshchnost')]. *Vestnik MGYKI*, 2014, no 6, pp. 71–75. (In Russ.).
11. Fromm E. Psikhoanaliz i etika [Psychoanalyze and ethics]. Moscow, ACT-LTD Publ., 1998, pp. 66–76. (In Russ.).
12. Khlebnikova O.V. Professional'nyi filosof v sovremennom sotsiokul'turnom prostranstve [Professional philosophe into modern social and cultural environment]. *Idei i idealy. Nauchnyi zhurnal [Ideas and ideals. Science Magazine]*, 2013, vol. 1, no 3. (In Russ.). Available at: <http://ideaidealy.ru/obsuzhdaem-obshestvo/professionalnyj-filosof-v-sovremennom-sociokulturnom-prostranstve>
13. Iastrebova A.P. O tipologii pervichnykh sotsial'nykh potrebnosti [About typological primary social need]. *Etnosot-sium i mezhnatsional'naia kul'tura [Etnosotsium and ethnic culture]*, 2009, no 7, pp. 172–181. (In Russ.).